

УДК 82-3

К ПРОБЛЕМЕ ДОКУМЕНТАЛИЗМА (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА С. С. СМИРНОВА)

И. А. Казанцева

Тверской государственный университет,
кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью

В статье исследуются жанрообразующие признаки произведений, основанных на документальной доминанте. Творчество С. С. Смирнова рассмотрено как идеальная модель документального произведения. С учётом динамики развития проблемы документализма в литературоведении и современных текстов, претендующих на документальность, оно играет важную роль в выработке категориального аппарата при изучении указанной проблемы.

Ключевые слова: документалистика, образ автора, жанр, композиция, очерк.

Проблема документализма широко обсуждалась научным сообществом в 60-е годы XX века. В ходе дискуссии не было выработано единого жанрового определения для произведений с преобладанием документальной основы. Происходило теоретическое осознание феномена и была сделана попытка выработки категориального аппарата для изучения подобных явлений. Своеобразным итогом обсуждения стали теоретические положения, изложенные в 60–80-е гг. XX века в работах Г. А. Белой [2], Л. Я. Гинзбург [6], В. А. Апухтиной [1], В. Кантаровича [7], Я. И. Явчуновского [14], И. Янской и В. Кардина [15], А. А. Галича [5], Е. Ю. Скарлыгиной [10] и др. В исследованиях были рассмотрены взаимосвязи между внелитературными факторами, переоценкой соотношения факта и вымысла, беллетризацией источников. Анализируя литературное развитие, литературоведы, культурологи, социологи, историки имели возможность убедиться в справедливости гипотезы о связи новых общественных реалий и возрастания интереса к документу, об усилении его влияния на литературный процесс. Сегодня это подтверждается особой популярностью литературы *non-fiction*; распространением термина «эго-документ», предложенного участниками конференции «Дневники русских писателей: литературный и исторический контекст» (20–21 мая 2005 г., Варшава), проиллюстрировавшей возрастание интереса к изучению данного феномена как самостоятельного. Волнообразное усиление роли и внимания к документальным источникам как основе художественного текста не всегда идёт параллельно с осознанием его художественной специфики. Обращаясь к данной проблематике в XXI веке, учёные по-прежнему акцентируют внимание на отсутствии единой терминологической базы. В работах А. Г. Тоне [13], Т. А. Костюковой [8] и др. явление именуется художественно-документальной, очерковой прозой, историко-документальной, автодокументальным текстом и т. д. Попытку выработки категориального аппарата и разграничения системы первичных и вторичных жанров документальной литературы предлагает в своём исследовании Е. Г. Местергази [9]. Для выявления специфики документализма С. С. Смирнова воспользуемся её рабочим определением «литература с главенствующим документальным началом».

Личность Сергея Сергеевича Смирнова, писателя, журналиста, популярного радио- и телеведущего программ, посвящённых истории Великой Отечественной войны, уникальна. Будучи человеком своего времени (родился в 1915 году), он воплотил яркие качества советского воспитания и мышления, при этом занимал антисталинскую позицию. Хотя сегодня никто не оспаривает его роли в процессе реабилитации сотен участников Великой Отечественной войны, к сожалению, не приходится ожидать внимания к его литературному, журналистскому, кинематографическому наследию. Представляется актуальным обращение к прижизненным публикациям С. С. Смирнова по ряду причин (значимость обозначенной теоретической проблемы, малоисследованность творчества данного автора, несоразмерная с его популярностью как ведущего радио- и телепрограмм, роль его деятельности в литературно-общественных процессах). Специфика современной литературной ситуации характеризуется выходом на рынок людей, не имеющих литературного образования. Подобная литература сегодня обозначена как «наивное письмо». Огромный и бесконтрольный поток разного уровня текстов влияет на падение доверия к документу, снижает эстетический вкус читательской аудитории, поэтому возникает необходимость осмысления жанрообразующих признаков с целью выработки критериев художественности произведений, относящихся к группе текстов с преобладанием документальной основы. В ряду задач на первом месте необходимость разграничения псевдодокумента и документа, реальности и вымысла, классификации художественных средств и приёмов, способствующих сохранению высокого качества источника.

Деятельность С. С. Смирнова как радио- и телеведущего, сценариста, автора статей и книг о поиске безвестных героев становится частью общей большой работы по реставрации истории подвига советского человека в Великой Отечественной войне. В 1973 году выходит трёхтомное собрание сочинений С. С. Смирнова, широкий тематический и жанровый спектр которого показывает организаторский талант писателя. Обратная связь со слушателями, читателями и зрителями позволила ему справиться с задачей реабилитации сотен героев войны. В книге бывшего военного прокурора Б. А. Викторова, работавшего с С. С. Смирновым в период реабилитации участников войны, сказано о роли писателя в восстановлении истории обороны Аджимушкайских каменоломен: «С. С. Смирнов стал обладателем документов о беспримерном мужестве и героизме советских воинов и тяжких преступлений фашистского военного командования. Он первым и обнародовал это, хотя с тех пор прошло более 10 лет. Вышла повесть С. С. Смирнова об этих событиях – первое документальное свидетельство о героизме многих советских офицеров и солдат, женщин и детей» [3, с. 293–294]. Б. А. Викторов приводит стенограмму допроса А. Филя, с реабилитации которого начинается свой путь по защите участников обороны Бреста С. С. Смирнов: «Позиция <...> С. С. Смирнова и других писателей и журналистов, как мы убеждены, сыграла свою роль в принятии решения Советского правительства о судьбе оказавшихся в плену советских воинов» [Там же, с. 286]. Указаны важные обстоятельства деятельности писателя, который реабилитировал жанр документа и показал себя как глубокий исследователь истории войны. Как летописец войны, он формулирует исследовательскую парадигму поиска, обращаясь к документам времён войны, множественным свидетельствам очевидцев. Так, например, в обеих редакциях «Брестской крепости» (1957, 1964) он фиксирует внимание на отправной точке поиска. Обратившись в музей Советской Армии в Москве, журналист находит там только письма участника событий Александра Митрофановича Филя, который прекратил переписку без объяснений. С. С. Смирнов вытягивает нити ис-

следования, постепенно убеждая обнаруженного им в Якутске на Алданских золотых приисках защитника крепости рассказать о пережитом во время и после войны. Найдя нужные для убеждения дважды пострадавшего защитника Отечества слова, С. С. Смирнов формулирует по-военному чёткую и ясную задачу. Организаторские способности журналиста отмечали его сослуживцы по военной газете «Гудок», редакции «Нового мира», «Литературной газете». А. Кондратович, вспоминая годы работы с писателем в «Новом мире», писал: «Я уже давно понял, почему Александр Трифонович Твардовский, придя в начале 1950 года в “Новый мир” главным редактором, сразу же взял в свои заместители подполковника Смирнова <...>. Можешь не сомневаться, подписчик, завтра в твоём почтовом ящике будет лежать пахнувший краской новый номер. Это было блистательное организаторское достижение “воениздатовца” Смирнова. <...>. Он был просто собран и аккуратен. <...> И что, может быть, ещё важнее: у него был безукоризненный литературный вкус» [4, с. 262–265].

В своих задачах С. С. Смирнов руководствуется убеждённой уверенностью в возможности восстановления справедливости, доверием к человеку, при этом безошибочно распознаёт ложь, которой противостоят документально подтверждаемые в ходе поисков разрозненные факты. Для этого, конечно, значимо обращение ко всем сохранившимся документам времён войны, послевоенным мемуарам, свидетельствам ещё живых очевидцев событий, сопоставление множества которых способствует верификации события. Рассуждая о «цепях документализма» в предисловии к «Рассказам о неизвестных героях» (1963), он определяет доминанту своего творчества: «В нашей литературной среде как-то так повелось, что роман или повесть считаются уже сами по себе первым сортом, а документальная или очерковая книга – вторым или третьим. Зачем же добровольно становиться третьесортным автором, если можно самим определением жанра шагнуть повыше? <...> В героической истории Великой Отечественной войны в силу сложных исторических причин есть и донныне немало “белых пятен”, подобных обороне Брестской крепости, о которых мы тогда знали едва ли не меньше, чем о Луне. И просто, “документально” рассказать читателям об этом было и остаётся, по-моему, очень важным делом. <...> Эта книжка такого же “документального” жанра, что и книга о Брестской крепости <...>. Автор остаётся при своём мнении и хочет прежде всего рассказать читателю о том, что было на самом деле, и о тех неизвестных героях, которые были или есть и сейчас на нашей советской земле. Потому тут нет вымысла, и всё, о чём я рассказываю, происходило в жизни» [11].

Позиция автора останется неизменной на протяжении всего творчества, в анкете журналу «Вопросы литературы» в 1966 году С. С. Смирнов отметил: «...главной обязанностью автора художественно-документального произведения является верность основным, кардинальным фактам, о которых идёт речь, при возможности свободного движения внутри рамок, создаваемых этими главными фактами. Но если писатель, кроме этих главных фактов, берёт на себя смелость оставить в книге действительные фамилии участников, то это заключает его уже в совершенно жёсткие рамки. Он должен всё время ощущать ответственность перед людьми, которые выведены на печатных страницах. Никакие апелляции к праву на художественный вымысел не спасут писателя от справедливых нареканий, если он допустит неточность или излишние вольности» [4, с. 38–39].

Значимость документа в рассказах С. С. Смирнова выражена в сборе и приоризации разных источников об одном человеке, месте, дне, уточнённых, когда это возможно, документами военной части или дневниками, написанными во время самих событий. Принципиально авторское обозначение жанра произведений («быль»), подчёркивающее не произвол

пишущего, но исследовательскую задачу реставрации истории, установления истины. Те факты, которые не удалось доказать или достаточно проверить, С. С. Смирнов не додумывает, но прямо признаёт, что пока ещё не установлены точные даты, имена, подробности событий («Бессменный часовой», «Подземная крепость»). Специфика произведений С. С. Смирнова в своеобразном соотношении образа автора и повествователя. Речевые потоки разделены, можно говорить о разных функциях. Повествователь вступает с читателем в диалог, объясняет все этапы поиска, воссоздаёт картину различных эпизодов войны, которые, как и судьба Брестской крепости, из проходного и неудачного эпизода войны, благодаря С. С. Смирнову, становятся отражением героических страниц истории, без идеализации действительности. Автор воссоздаёт картину войны, концентрируя внимание на тех многих эпизодах, которые мало исследованы, сопровождаются множеством загадок и противоречий, характерных для «белых пятен» истории. Главное, что объединяет сюжеты произведений С. С. Смирнова, – это акцентированное внимание на судьбе конкретного человека, который нуждается в памяти, в помощи, в реабилитации. Показательно воспоминание, в котором приведена реакция журналиста на одну из ранних послевоенных публикаций С. С. Смирнова о русском изобретателе железнодорожных тормозов, книгу «Династия Казанцевых». Замыслом и исполнением двигало авторское чувство исторической справедливости, требующей усилий по утверждению более прогрессивного изобретения, чем известное в мире устройство Вестингауза. Техническая терминология, использованная в книге, сочеталась с лиризмом, в котором узнавался голос будущего повествователя «Брестской крепости», защищающего доброе имя своих героев. Как вспоминает В. Захарченко, на недоумённый вопрос о том, зачем ему эта техническая тема, он ответил: «А почему нет? <...> Мне человек дорог, а не тормоза» [4, с. 239]. Эти слова станут ключевыми, определяющими отношение к документу, в других книгах С. С. Смирнова. Скрупулёзный поиск, точность документа, грамотный отбор материала, исключение права на ошибку отличают не только «Брестскую крепость» и последующие произведения, но и более ранние очерковые книги «На полях Венгрии», «Сталинград на Днепре» [12, т. 3]. В рассказе С. С. Смирнов всегда остаётся верным позиции документалиста. Говоря о специфике работы с очевидцами событий, он отмечал: «Люди по-разному видят одно и то же событие. И писатель должен всё сравнить, проанализировать, отобрать то, что, по его убеждению, ближе к истине. Это очень трудная работа, ибо её ведут документалист и художник. <...> Собрав материал, писатель должен оценить его, должен создать образ тех событий» [4, с. 199].

В художественной концепции сборника «Рассказы о неизвестных героях» очень чётко прослеживаются этические и эстетические ценностные координаты автора, что определено задачами создания образа события и героя. Он никогда не идеален, но целостен и обладает доминирующей чертой, которая «собирает» воедино все качества. Конечно, установка на фактическую достоверность определяет общие мотивы всей книги при разнообразии времени и пространства, в которых разворачиваются события войны и судьбы центральных героев. Давая представление истории войны во всём многообразии точек зрения (от рядовых до маршала, от участников партизанского, подпольного движений до деятельности в тылу), во всём широком географическом охвате, автор выстраивает общую панораму. Десятки разных событий войны под пером и в устном рассказе С. С. Смирнова обрели весомость истины и показали красоту человеческого поступка. Он рассказывает документально выверенную историю подвига защитников Аджимушкайских каменоломен, основой ко-

торой служат факты, подтверждённые множеством участников событий, документами и встречами с найденным им военным следователем С. М. Киквадзе, ведшим когда-то данное дело. Журналист описывает судьбу старшины Дунайской флотилии Катюши Дёминой, воссоздаёт эпизоды международного антифашистского сопротивления в Италии, скрупулёзно восстанавливает биографию Леонида Силина, создавшего на оккупированной гитлеровцами Украине госпиталь. Все события объединены темой героического сопротивления бесчеловечному режиму, ключевым становится мотив взаимопомощи, зиждящийся на принципе коллективизма. В интерпретации писателя данное качество становится основой оптимизма, источником нравственной силы. Это проявляется во всех произведениях, передачах и фильмах, созданных по сценариям С. С. Смирнова, и реализует мысль о победе духовного над материальным (сцены пленения майора Петра Михайловича Гаврилова, которому после расследования С. С. Смирнова было присвоено звание Героя Советского Союза, описание пути на родину сержанта Алексея Романова, совершившего побег из немецкого плена и добравшегося до советского посольства в Швеции). Собирая свидетельства героизма человека, писатель воплощает правду о войне через специфику образа автора. В произведениях С. С. Смирнова сделан акцент на подвиге, освящённом причастностью к общему делу спасения Родины, ролью коллектива в становлении личности. Возможность победы обретена благодаря помощи единомышленников, каким становилось не только сформированное до участия в боевых операциях военное подразделение, но и объединённые в ходе военных действий разрозненные группы людей из разных частей. Подобная концепция повлияла на роль повествователя в произведениях С. С. Смирнова. Одна из ранних публикаций «Сталинград на Днепре» получила высокую оценку А. Т. Твардовского, замечания создателя «Василия Тёркина» касались недостаточно представленного авторского «я». Позиция С. С. Смирнова заключается в сознательном умалении роли автора. Наглядно это демонстрируют документальные фильмы «Катюша», «Нина», снятые по его сценариям. В первом из них себе он отводит роль журналиста, интервьюирующего героя. Он выстраивает портретное интервью таким образом, что крупным планом представлен его герой, воспринимающий себя как участник общего дела, а соратников – как семью, журналисту принадлежит роль второго плана. В публикациях С. С. Смирнова данное качество проявлено в минимальном включении в текст публицистических фрагментов, лирических отступлений, в отсутствии пафоса, метафоричности и цветистости фразы. Роль повествователя сведена к добросовестному детальному восстановлению истории подвига. Все художественные возможности подчинены этой задаче.

Отбор фактов и композиция повествований выполнены таким образом, чтобы сохранить интригу, загадку и показать нити, ведущие к разгадке. Результаты поисков представлены включением документов, воспоминаний очевидцев, сохранившихся писем и дневников погибших героев (письма Л. Силина, дневник Александра Сарикова), обращением к документам и мемуарам противной стороны («Боевое донесение о занятии Брест-Литовска» из штаба 45-й фашистской пехотной дивизии, мемуары гитлеровского диверсанта Отто Скорцени). В принципах соединения фактов отсутствует однообразие, нет беллетризации. Внимание читателя приковано за счёт разворачивающейся интриги поисков. Методологию С. С. Смирнова определили как научный поиск. Аналитический подход к изображению событий увлекает не только читателей, но собратьев по цеху (воспоминания В. Катаева, М. Дудина, Ю. Стрехнина и др.). Если первые послевоенные книги очерков «На полях Вен-

грии» и «Сталинград на Днепре» построены по хронологическому принципу, то «Брестскую крепость» и «Рассказы о неизвестных героях» уже ведёт логика научного поиска, постепенное разворачивание картины восстановленных судеб и общего события.

Думается, что важной причиной интереса к произведениям С. С. Смирнова было аналитическое мастерство, обаяние рассказчика, организаторские способности, уверенность в необходимости и возможности восстановления справедливости, видение отдельного конкретного человека как части коллектива без растворения индивидуальности. Каждый из его героев обладает разными ярко выраженными индивидуальными чертами и при этом не является необыкновенным человеком. С. С. Смирнов редко прибегает к литературным реминисценциям, но если это происходит, то служит цели показать обычность героизма, проявляющегося в ситуации защиты Отечества. Например, в рассказе «Настоящий человек» девушка-танкист Мария Лагунова возвращается в свою часть в качестве нестроевого военнослужащего, а затем находит себя и в мирной жизни. С. С. Смирнов не упрощает действительность, как и А. Мересьеву, его героине свойственны вспышки отчаяния, и преодоление обстоятельств становится ведущим мотивом произведения. Популярная для военных произведений того времени тема «потерянного поколения» (исключений немного, например, запрещённый А. Платонов) будет освоена писателями-фронтовиками значительно позже (В. П. Астафьевым в 90-е годы XX века). С. С. Смирнов от неё не уходит в 60-е, причём она представлена как тенденция, но ей противопоставлены судьбы и характеры людей, преодолевших слабости и обстоятельства, состоявшихся в новой жизни: «Сколько молодых людей, выдержав испытание войной, не выдержали потом испытаний мирной трудовой жизни! Для многих из них, пришедших на фронт со школьной скамьи, слишком труден оказался переход к нормальной человеческой обстановке с необходимостью учиться, работать, с будничными хлопотами и заботами о пище, о жилье, об одежде» [11]. Не скрывает С. С. Смирнов неидеальности своих героев, отмечая действительно редкие качества их характера: «Редко случается, чтобы среди потока писем, подтверждающих и дополняющих то, что ты написал об этом человеке, не попалось два-три кислых, а то и сердитых отзыва. Человеческие отношения сложны – к ним всегда примешиваются личные симпатии и антипатии, давние счёты и обиды или просто даже обычная зависть. Да и сам герой никогда не бывает “сверхчеловеком”; он способен не только совершать подвиги, но и допускать иногда какие-то ошибки, проявлять какие-нибудь человеческие слабости. Глядишь, кто-то не забыл об этом и решил добавить ложку дёгтя к твоему рассказу о герое. Должен сказать, что меня просто поразило редкое единодушие бывших моряков-дунайцев в их отношении к Катюше Михайловой. Среди большого потока писем не было ни одного “кислого” или даже сдержанного отклика. А моряки, как известно, народ не сентиментальный и даже непримиримый, не прощающий малейшего малодушия, слабости воли в военной обстановке. Они не так просто дарят человеку своё доверие, дружбу и уважение <...>. Но, судя по их письмам, Катюша и в самом деле была их любимицей, их гордостью» [Там же].

Автор поднимает все трудные темы, при этом его голос один из немногих в шуме голосов оттепельного времени, кто не просто говорит о репрессиях бывших военнопленных, но способствует их реабилитации. Сращённость художественного и документального, журнализма и литературности, журналиста и писателя, явленная в слове и действии С. С. Смирнова, делает его произведения уникальными

в истории развития литературы. Сохранившиеся рабочие материалы к передачам С. С. Смирнова раскрывают живой интерес к другим лишь приоткрывшимся тогда темам, в частности, к судьбе солдат и офицеров власовской армии, героически погибших во время войны. Героем одной из его передач становится рабочий Николай Орлов, который в одиночку занимается перезахоронением погибших в Мясном Бору солдат и офицеров власовской армии и возвращает родным доброе имя без вести пропавшего героя. С. С. Смирнов не ограничивается отдельными передачами, он делает документальный фильм «Комендант долины Смерти», посвящённый этим событиям. После закрытого показа фильм был положен на полку, как и другой, посвящённый юному защитнику Брестской крепости, по несправедливо раздутому обвинению оказавшемуся в заключении Пете Клыпе («Гаврош Брестской крепости»). Один из сыновей С. С. Смирнова вспоминает, как были временно закрыты передачи на телевидении после упоминания отцом роли Г. К. Жукова в войне. О судьбе маршала писатель готовил книгу, которую не успел написать, остался очерк о маршале-солдате. В названии очерка о полководце соединилось значимое для концепции автора. Точка зрения рассказчика, стоящего за отбором сведений, композицией, приёмами подачи документального материала, отражает одновременно и позицию руководителя, знающего план действий, и позицию низовую, окопную, в которой есть следование истине, понимаемой только как часть общей истории.

Задаваемая писателем система координат сформирована на основе документов, свидетельств очевидцев, многократно уточнённых. Обобщение дано, как правило, в финале в коротком публицистическом отступлении, резюмируют весь текст выдержки из дневников, писем, обращённых к потомкам. Документ – источник знания о войне. Рассказ «Госпиталь в Еремеевке» завершают два письма Л. Силина, в нём отсутствует упрощённое изображение противника: «Старайтесь перенять у немцев их самое грозное и страшное оружие – организованность и чёткость» [Там же]. Повествователю принадлежат краткие логические переходы. «Я думаю, оба эти документа говорят сами за себя и не нуждаются ни в каких комментариях» [Там же]. План современности, как правило, С. С. Смирнов являет в действии, связанном с увековечиванием памяти погибших и сражавшихся, с реставрацией полной картины («Госпиталь в Еремеевке», «Повесть о настоящем человеке», «Русские в Риме» и др.). «Рассказы о неизвестных героях» открывает история, достоверность которой не доказана из-за давности лет, но легенда о бессмертном часовом, служившем ещё в царской армии, становится своеобразным введением в тему подвига человека, для которого долг оказывается важнее политической конъюнктуры. Углубляется тема преемственности, происходит панорамное разворачивание актуального, современного повествователю, и ретроспективного планов. Завершающая книгу история абсолютно лишена легендарного компонента, в результате совместного с читателями и зрителями С. С. Смирнова поиска она обрела достоверность летописи войны. Первая и заключительная истории рифмуются на уровне содержания и формы. В подзаголовке «Бессменного часового» жанр обозначен как «пока ещё легенда», в заключительном – дан документальный рассказ, в который превратилась легенда. Мотив «нелегандарной» легенды реализован в каждом из рассказов. В одном из центральных произведений, претворённых в сценарий одноимённого фильма «Катюша», например, причина отказа в присвоении звания Героя Советского Союза – недоверие к достоверности факта, казавшегося легендой. «В наградном отделе, прочитав описание подвига, сочли его явным вымыслом и вернули представление в штаб флотилии» [Там же]. Возможно, именно необходимость утвердить основательность и документальную основу описанного повлияла на жанровое определение, вынесен-

ное в заглавие другого прижизненного сборника С. С. Смирнова, в который вошли описанные рассказы, «были». Заключительный рассказ в книге «Рассказы о неизвестных героях» – «Русские в Риме» – преодолевает и временные, и пространственные рамки. Объединены единой энергией противодействия фашизму и итальянцы, и эмигранты из России. Алексей Флейшер создаёт подпольный отряд. Описывая диверсионную деятельность международного сопротивления, писатель, как и в других своих произведениях, прямо не присутствует в тексте, отбирая факты, создавая интригу и формируя целостное представление о причинах победы над фашизмом, которая стала возможна благодаря объединению людей разных национальностей и «самых разных профессий и состояний» [Там же].

Таким образом, С. С. Смирнов не только создатель книги, сыгравшей исключительную роль в жизни общества в 60-е годы прошлого века. Ему удалось соединить позицию объективного исследователя фактов с субъективной точкой зрения участника событий, творящего историю. Тематический и географический диапазон его исторической реставрации очень широк. Защита границ СССР во время войны, подвиги в тылу и на оккупированных территориях, включающих не только Советский Союз, но и европейские страны. Он летописец, дающий слово своим героям и устранившийся из повествования, ограничивая роль рассказчика представлением нитей исследования и знакомящий с его окончательными или промежуточными итогами. В более позднее время его многочисленные последователи не достигли такого уровня документального повествования и воздействия на общество. Если учитывать имманентные факторы, то причиной этого стали особенности построения текста, основанного на исследовательском подходе к изложению верифицированных с помощью документов фактов. Следствием этого становится выстраивание композиции повествования с учётом разворачивающейся интриги поиска, многофункциональность и умаление образа автора, индивидуализация главного героя при включении в коллективное общее дело, отсутствие вымысла, строгость и сухость стиля. Перечисленные свойства творчества С. С. Смирнова представляют идеальную модель документального текста для современного исследователя.

Список литературы

1. Апухтина В. А. Современная советская проза. М.: Высш. шк., 1984. 272 с.
2. Белая Г. А. Закономерности стиливого развития советской прозы. М.: Наука, 1977. 256 с.
3. Викторов Б. А. Без грифа «Секретно»: Записки военного прокурора. М.: Юридическая литература, 1990. 336 с.
4. Воспоминания о С. С. Смирнове / сост. Ю. Ф. Стрехнин, К. С. Смирнов. М.: Сов. писатель, 1987. 272 с.
5. Галич А. А. Современная художественная документально-биографическая проза. Проблемы развития жанров: дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08 / А. А. Галич; Донецкий государственный университет. Донецк, 1984. 181 с.
6. Гинзбург Л. Я. Литература в поисках реальности: Статьи. Эссе. Заметки. Л.: Сов. писатель, 1987. 400 с.
7. Кантарович В. Правда публицистики (о факте и вымысле) // Новый мир. 1973. № 12. С. 240–252.
8. Костюкова Т. А. Документальная проза: специфика жанра [Электронный ресурс] // Интерактивплюс. Центр научного сотрудничества. URL: https://interactive-plus.ru/discussion_platform.php?requestid=10782. (Дата обращения: 14.12.2015.)

9. Местергази Е. Г. Художественная словесность и реальность (документальное начало в отечественной литературе XX века): дис. ... докт. филол. наук: 10.01.08 / Е. Г. Местергази; Ин-т мировой литературы РАН. М., 2008. 246 с.
10. Скарлыгина Е. Ю. Современная художественно-документальная проза о войне (развитие и обогащение жанра): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Е. Ю. Скарлыгина; Ин-т мировой литературы РАН. М., 1985. 189 с.
11. Смирнов С. С. Рассказы о неизвестных героях [Электронный ресурс] // Lib.Ru: Историко-приключенческая литература. URL: <http://lib.ru/PRIKL/SMIRNOW/heroes.txt>. (Дата обращения: 10.12.2015.)
12. Смирнов С. С. Собр. соч. : в 3 т. М. : Молодая гвардия, 1973.
13. Тоне А. Г. Проблемы жанровой эволюции художественно-документальной прозы 1970–1990-х гг. : дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / А. Г. Тоне; Новый гуманитарный университет. М., 1999. 269 с.
14. Явчуновский Я. И. Документальные жанры: Образ, жанр, структура произведения. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1974. 232 с.
15. Янская И., Кардин В. В защиту дефиса. Poleмические заметки о документально-художественной литературе // Литературное обозрение. 1985. № 2. С. 12–20.

ON THE ISSUE OF DOCUMENTALISM IN S. S. SMIRNOV'S LITERARY WORKS

I. A. Kazantseva

Tver State University

the Department of Journalism, Advertisement and Public Relation

The article studies the genre forming features of non-fiction. Literary works by S. Smirnov prove to be an ideal model of the documentary genre. Smirnov's works play an important role in the elaboration of the systems of categories important for the development of this theoretical problem.

Keywords: documentary, genre, image of the author, composition, essay.

Об авторе:

КАЗАНЦЕВА Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: irina10768@mail.ru.

About the author:

KAZANTSEVA Irina Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Journalism, Advertisement and Public Relation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: irina10768@mail.ru.